Текст · 14 июня 2023, 18:37
Павел Васильев, Дарья Гуськова,

«Весь этот блуд». Расшифровка заседания, на котором Госдума единогласно поддержала закон о запрете трансгендерного перехода

Госдума в первом чтении приняла законопроект о запрете на смену гендерного маркера в документах и медицинские вмешательства, связанные с трансгендерным переходом, его единогласно приняли 365 депутатов. «Медиазона» с незначительными сокращениями приводит расшифровку пленарного заседания, на котором были одобрены эти поправки.

Петр Толстой, зампред Госдумы, «Единая Россия»:
Это не очередная запретительная инициатива Государственной думы, это еще один шаг в защите национальных интересов. Мы их принимаем, потому что Россия после начала специальной военной операции изменилась. И те ребята, которые сегодня защищают с оружием в руках нашу страну, они должны вернуться в другую страну, не в ту, которая была до начала специальной военной операции. Очень жаль, что многим до сих пор это непонятно по разным причинам, а многие просто ждут, что ничего не изменится, все будет как прежде. Ничего не будет как прежде.

Хочу сказать, что, к сожалению, в России число случаев смены пола растет. По данным МВД, с 2016-го по 2022 год три тысячи человек поменяли пол. Фактически, это можно сегодня сделать на основании простых медицинских справок, учет их не

ведется, они выдаются практически во всех частных клиниках России. К сожалению, Министерство здравоохранения не знает о том, сколько таких операций проводится. Цена услуги не превышает 30 тысяч рублей.

Значит, вот этот диагноз, о котором нам говорят уважаемые врачи, который звучит «транссексуализм», он относится к расстройствам половой идентификации. Помимо прочего, [он] является основанием для признания гражданина негодным к военной службе. Нельзя забывать и о том, что, сменив пол одному из партнеров, гомосексуальная пара получает право усыновить ребенка. Такие случаи, к сожалению, в России тоже уже есть.

Согласно Конституции России, брак —
это союз между мужчиной и женщиной,
и никаких неопределившихся, промежуточных, дополнительных гендеров там просто нет. Нет родителя-1 и родителя-2. Внедрение подобной практики в России грубо противоречит целому ряду базовых государственных документов и концепций: Конституции России, Стратегии национальной безопасности, основам государственной политики по сохранению традиционных российских духовных нравственных ценностей и других.

Наличие вот этих вот рудиментарных норм — это результат работы некоторых чиновников в международном пространстве, например, Всемирной организации здравоохранения с ее Международной классификацией болезней — 10 и Международной классификацией болезней — 11, которые сейчас

по-прежнему по инерции признаются и внедряются к признанию Правительством Российской Федерации. В этих классификациях все извращения являются нормой. Если мы хотим жить в таком мире, тогда, конечно, ничего менять не надо. Никаких законов не надо принимать, надо соглашаться и с членством Российской Федерации во Всемирной организации здравоохранения, которая дает командировки, льготы и целый ряд выгодных контрактов, и со всем остальным тоже.

Это вершина айсберга — то, о чем я говорю. Западная индустрия трансгендеров пытается таким образом просочиться в нашу страну, проломить окно для своего многомиллиардного бизнеса. В России уже существует развитая сеть клиник по смене пола, она включает в себя так называемых транс-френдли врачей, и транс-френдли психологи действуют при активной поддержке ЛГБТ-организаций, правда, в последние полгода они сменили свои названия на более, может быть, безобидные. И уже сегодня это доходная, очень даже доходная сфера медицинских услуг. И понятно, почему целый ряд медиков эту сферу так яростно защищает, прикрываясь академическими знаниями, полученными в том числе за рубежом во время обучения в США и других странах. Это очень хорошо, прекрасно. Только, как мне кажется, в этой сфере пора уже навести порядок. И вот это решение — это шаг в этом направлении.

Два слова про позицию Министерства здравоохранения. Мы получили очень эмоциональное заключение Минздрава по этому законопроекту. Я, наверное, не буду занимать ваше внимание, хочу только процитировать один

пассаж. В случае принятия законопроекта возникнет патовая ситуация, в которой люди, чей гендер официально признан медицинскими работниками не соответствующим полу, указанному в паспорте, не смогут — бедные — привести свои паспортные данные в соответствие с действительностью, которая сложилась у них в голове. Это может вызвать этические, медицинские и социальные проблемы, а также привести — к чему, как вы думаете? — к повышению суицидов в стране.

Коллеги, ну извините, вот такой подход, если мы с ним соглашаемся, позицией в данном случае Минздрава, это означает, что тогда этот закон принимать не надо. Потому что если мы делаем исключение, если эта болезнь связана, так сказать, с психической сферой, это одно, а если у нас все-таки доктора хотят ножичками поработать, это другое, тогда вот этот закон принимать не надо. Поэтому решение вот в этом зале сегодня принимаете вы. И поправки, которые нам, так сказать, готовят коллеги из правительства, как мне кажется, в том виде, в котором они пока представляют, это просто, ну, сделает этот закон абсолютно не действующим. Поэтому решение в данном случае принимать нам. Мне кажется, что мы сейчас в начале этого пути. Я считаю, что мы должны и готовы его пройти именно в силу того, что, как я уже сказал в начале, страна должна измениться.

Михаил Мурашко, **министр здравоохранения:** В первую очередь хочу сказать, что Министерство здравоохранения поддерживает недопустимость смены пола на основании только лишь желания пациента или тех или иных, так скажем,

неправомочных действий, по сути дела, в рамках которых и есть та цифра, которая сегодня была озвучена с трибуны. Поэтому ужесточение и усиление фактора принятия решений по хирургическому или гормональному лечению, конечно же, должно строиться только на основании консилиумов высокого уровня и, соответственно, в это должны быть вовлечены федеральные учреждения.

В процессе обсуждения этого законопроекта было выслушано большое количество экспертов по разным специальностям. Действительно, ряд моментов стал проясняться и отметаться те факторы, которые так или иначе являются околонаучными. Я думаю, что в первом чтении, сейчас, этот закон может быть поддержан, ко второму чтению работа эта, как уже было сказано, будет продолжена. Мы считаем, что данное направление в рамках именно государственной политики, поддержки устоев семьи, направление на развитие демографической ситуации в лучшую сторону должно идти по данному курсу. Спасибо большое, думаю, что общую позицию я сейчас обозначил.

Нина Останина, депутат Госдумы от КПРФ ***(обращается к Мурашко)*****:** Уважаемый Михаил Альбертович! К сожалению, ни ваш письменный ответ, который поступил в адрес нашего комитета 6 мая, ни сегодняшние ваши сейчас комментарии этого законопроекта ясности вообще-то не внесли. И более того, у меня появились опасения, что вы хотите каким-то образом смягчить этот законопроект. Ваши слова о недопустимости смены пола, они как-то наталкиваются, собственно, на то, что именно вы,

с вашего, так сказать, позволения, а точнее, в соответствии с приказом Минздрава от 20 октября 2017 года, номер 851, «Об утверждении формы и порядка...» и так далее... Вы знаете название этого приказа. Собственно, все это началось. Вы, по сути дела, своей подписью ратифицировали конвенцию ВОЗ. И в этой части можно вам вопрос: а кто вас уполномочил это делать?

Мурашко *(отвечает Останиной)*: Глубокоуважаемая Нина Александровна! Вопрос в данной ситуации приказа, он действительно имеет в реализации, к сожалению, правонарушение. И сейчас разговор идет о том, чтобы в рамках принятия законопроекта все-таки более сузить рамки все эти. Есть нарушения, которые связаны именно с формированием пола. Это врожденные наследственные и эндокринные заболевания. В рамках них, собственно, встречается эта частота: одна на четыре тысячи новорожденных. Поэтому в рамках этого и нужно двигаться. Для этой категории пациентов решение медицинское, касаемо именно эндокринных нарушений генетических, то, что прописано в законодательстве, в предлагаемом законопроекте, и поддерживается. Поэтому сейчас можно, конечно, вспомнить 17-й год, еще что-то. Сейчас мы разбираем данную позицию, мы ее озвучили.

Елена Драпеко, депутат от «Справедливой России» *(вопрос Толстому)*: Уважаемый Петр Олегович, у меня к вам [вопрос]. Из сегодняшних ответов нашего Министерства здравоохранения понятно, что речь идет об изменении пола, хотя, наверное, речь должна идти о восстановлении пола. Если есть нарушение, то надо возвращать это нарушение к

норме. К вам же у меня вопрос такой. Когда мы пытались написать закон о запрете порнографии в Российской Федерации, некрофилии, зоофилии и прочих отклонений, как раз медицина, сексопатологи в нашей рабочей группе выступали против. Говоря о том, что все наши отклонения сегодня признаны в мире нормой. Правильно ли я вас понимаю, что мы вернемся к теме запрета порнографии в Российской Федерации?

Петр Толстой *(отвечает Драпеко)*: Елена Григорьевна, спасибо вам большое за вопрос. Я надеюсь, что в этом зале большинство, я уверен в этом, большинство коллег понимает необходимость изменения того, что было сделано за последние два десятилетия в этом направлении, и необходимость возвращения. Да, возвращения к тому, чтобы пересмотреть некоторое количество пользы от стеклянных бус, которых нам насыпали с Запада в обмен на нефть и удовольствие. А что касается начала вашего вопроса по поводу смены пола, возвращаясь к законопроекту. Значит, законопроектом в данном случае в первом чтении это обозначено в тексте.

Все те аномалии, о которых уважаемый Михаил Альбертович сказал, которые касаются детей до 18 лет, они, соответственно, не относятся к операциям, которые взрослый человек по собственному желанию производит. То есть они все будут решены так или иначе, с помощью уважаемых коллег-медиков. Мы говорим о другом. Что если мы оставляем хотя бы одну лазейку для взрослого, в эту лазейку через, как сказал Михаил Альбертович, консилиумы высокого уровня пойдут толпы тех гомосексуалистов, кто хочет усыновлять детей, тех, кто хочет избежать

военной службы, и так далее и так далее. Я сейчас не буду все это подробно раскрывать, но смысл только в этом. Либо это полный запрет для взрослых без лазеек и возможность исправить те природные аномалии, которые встречаются у детей. Либо тогда, если оставляем лазейки, тогда весь закон бессмыслен. Вот и все.

Николай Коломейцев, депутат от КПРФ *(обращаясь к Толстому и Володину)*: Уважаемый Петр Олегович, Вячеслав Викторович! Но учитывая, с каким надрывом и болью в душе вы докладывали, я понимаю, что где-то подспудно есть пятая колонна, которая не хочет принятия этого закона. Скажите, пожалуйста, у нас регламент предполагает принятие законов первым и в целом, в какой степени готов закон к принятию в первом [чтении] и в целом?

Толстой: Закон проработан, согласован, соответственно, с Минюстом с точки зрения правовой техники. Мы не готовились к такой постановке вопроса Николая Васильевича, но готовы максимально быстро доработать закон, чтобы принять его в целом, потому что он, юридико-техническая, как бы, история, она достаточно простая в этом законе. И если не усложнять его дополнительными изъятиями и поправками, то да, это возможно.

Вячеслав Володин, спикер Госдумы, «Единая Россия»: Николай Васильевич, это законопроект совместного ведения, в соответствии с федеральным законом мы с вами, прежде чем рассмотреть законопроект в первом чтении, что мы сейчас и делаем, разослали его в регионы, получили отзывы. Затем в соответствии

с процедурой должны после принятия в случае поддержки разослать вновь в регионы. Если совет поддержит, мы это сделаем по укороченной рассылке на 15 дней, разошлем и сможем рассмотреть законопроект в ближайшее время в течение весенней сессии. Все зависит от нас.

Алексей Куринный, депутат от КПРФ, кандидат медицинских наук *(обращается к министру здравоохранения)*: Первый вопрос. МКБ[I]-11 выводит на сегодня транссексуализм из числа болезней. Фактически патология — это некое полуфизиологическое состояние. Как быть с реализацией МКБ-11 в данном случае на территории Российской Федерации? И второй вопрос. За 2022 год 900 человек приблизительно поменяли документы, связанные как раз с этим приказом. Какое количество из этих 900 все-таки подверглось хирургической коррекции или операции? Есть ли у вас такие данные? Я в плане того, чтобы оценить ширину этой калитки, куда толпы ломятся, единицы, десятки, сотни людей. О каком количестве людей в год идет речь?

Мурашко: Во-первых, почему я говорю, что нужно вносить ясность и ужесточение? Потому что не все, кто получили документы, поменяли пол. Вот это ключевая вещь, которая должна быть учтена. Второе, по МКБ. По МКБ у нас в Российской Федерации пересмотра не было. Сейчас идут процедуры по переводу. В какой части ее принять, это уже наше право. Мы не обязаны в данной ситуации ее в полном формате применять. Поэтому ту часть, которую вы сейчас озвучиваете, ее спокойно специалисты могут пересмотреть и принять решение в какой-то части ее не использовать. Поэтому это решаемая

вещь. Никто не навязывает стране ту или иную полностью классификацию. Причем прошу заметить, что классификация и само заболевание — это просто, так сказать, изложение того или иного.

Поэтому это мы можем точно так же, как перистые облака и так далее. Группировки облаков, вернее, классификации облаков не влияют на возникновение дождя. Поэтому это бумага, и она корректируется. Поэтому по 900 человек у меня цифры, сколько из них прошли процедуру хирургической коррекции, нет этих данных. Поэтому я говорю, что мы абсолютно поддерживаем, что это направление должно быть однозначно более жестко регулировано. Да, был плюрализм в девяностые годы, в начале двухтысячных. Хорошо, что мы сегодня, так сказать, возвращаем полностью четкое ощущение земли под ногами. Поэтому в данной ситуации у медиков, те, которые работают не щадя живота своего, и в предыдущие годы, и сейчас, я думаю, что не надо просто сейчас огульно медиков всех под одну гребенку.

Анатолий Вассерман, депутат от «Справедливой России» ***(обращается к Мурашко)*****:** Поскольку упомянутое понятие «гендер» означает представление о половой роли, в какой мере разбивается Министерством здравоохранения исследования по психологическим и, если надо, психиатрическим методам приведения этих представлений в соответствие с реальностью?

Мурашко: В Российской Федерации существует несколько научных медицинских исследовательских центров, которые в том числе в своей разработке

учитывают и это направление. Хочу отметить, что сейчас есть поручение президента по созданию на базе нашего федерального центра психиатрии дополнительного института по исследованию не только этих, но и ряда поведенческих направлений, в том числе общественного поведения. Поэтому это направление также будет дальше взято в обязательную научную проработку, помимо того, что сегодня делаем.

Николай Николаев, депутат от «Единой России»: Вопрос Петру Олеговичу и Михаилу Альбертовичу. На самом деле, сейчас вовлечение подростков, молодых людей в это — это такая криминальная сеть. И в ожидании принятия нашего законопроекта адвокаты и юристы, которые работают в этой сети по вовлечению людей, пишут в соцсетях, что если останется хоть одна лазейка, то они найдут, как ею воспользоваться. Одновременно с этим так называемые трансфрендли психологи сейчас начали активно подгонять тех подростков и молодых людей, которые только вовлекаются в процесс смены пола, чтобы успеть получить справки и изменить документы до принятия закона в третьем чтении. Как вы считаете, не стоит ли нам в рамках рассмотрения этого законопроекта уже сейчас, прямо сейчас наложить мораторий на деятельность вот этих врачебных комиссий?

Мурашко: Спасибо за предложение, Николай Петрович. Я посмотрю и совместно с юридической службой, как это реализовать. В целом идея, наверное, неплохая. Посмотрим. Я вам сообщу.

Бийсултан Хамзаев, депутат от «Единой России» *(обращаясь к Толстому)*: Петр Олегович, вы озвучили цифру — три тысячи, я думаю, и многих, конечно, она ввергла в шок, потому что за такой небольшой промежуток это большая цифра. У меня такой вопрос, который, наверное, беспокоит многих. А как быть с теми тремя тысячами, которые уже сегодня документы поменяли? И они как бы и женщины, и нет, чтобы потом кому-нибудь в загс с абракадаброй не прийти? Такой житейский вопрос. Вот с ними как быть? Мы их как-нибудь определяем, потому что они когда-то были не женщинами или мужчинами, например? Как мы с ними будем делать? *(В зале раздается смех депутатов и редкие аплодисменты.)*

Толстой *(усмехаясь)*: Уважаемый Бийсултан, понимаете, дело в том, что закон обратной силы не имеет. Те, кто уже эти трансформации совершили, они совершили. Коллеги, хочу обратить внимание, что вот эта цифра, три тысячи, она растет по экспоненте. То есть если это были единичные случаи в 16-м году, то, поскольку вот эта трансфрендли медицина и медицинские услуги набирают силу и получают достаточно большие средства, эта цифра растет. И допустим, если там в 21-м году 550 таких случаев, то в 22-м — 900. И если мы это решение не примем, будет не три тысячи, а пять тысяч в следующем году. А что касается того, как проверить, тут, мне кажется, каждый должен действовать индивидуально, без оглядки на законодателя, быть внимательным, Бийсултан Султанбиевич. И сразу предлагаю действовать так же в отношении граждан зарубежных государств, у которых эти операции разрешены и легализованы. И

надо тоже быть очень внимательным, осторожнее, как коллеги подсказывают.

Вячеслав Володин *(с завершающей речью)*: Вот сегодня буквально перед вами министр труда и социальной защиты выступал здесь и докладывал о результатах реализации программы нашей государственной, «Демография». И говорил о том, что есть проблема, проблема с рождаемостью. Но когда мы этот вопрос обсуждали, все скатились на тему заработных плат и вопросов, связанных с доходами. А на самом деле не это главное. Если есть культ семьи, если мы с вами ценим и бережем то, что досталось нам от наших дедов и прадедов, моральные ценности, то, наверное, ни у кого нет сомнения, что семья будет большой. Если эти ценности под диктовку и через промывание мозгов превратились в любовь только к себе, восхищение только собой и возможностью менять пол, то понятно, что у нас не будет больших семей в будущем. И дальше уже возникнут вопросы существования государства. Но самое плохое, самое ужасное — это растление детей. Это самое страшное.

Вот посмотрите, что происходит сейчас в Соединенных Штатах Америки, где как раз пропагандируются эти все новые псевдоценности. Доля трансгендеров в США среди подростков уже в три раза больше, чем среди взрослого населения. Это результат пропаганды. Количество детей, получающих гормональную терапию, выросло за пять лет более чем в два раза. Причем накачивать ребятишек гормонами начинают уже с восьми лет, с восьми лет. За пять лет, с 2017-го по 2021 год, сделано более двух тысяч операций по смене пола. Именно операций у детей в возрасте от 13 до 17 лет. Мы этого

не хотим, чтобы было в нашей стране. Дьявольская политика пускай проводится в США. Посмотрим, чем это закончится.

Ни к чему хорошему это не приведет.
Сплошной сатанизм. Поэтому нам хотелось бы, чтобы Министерство здравоохранения осознало эту ситуацию. Мы любим и уважаем их труд. Но мы не можем поддержать то, о чем сказал нами уважаемый Дмитрий Анатольевич Хубезов. Когда при осмотре ребенка и операции на гланды ему задают вопрос: а хочет ли он поменять пол? Это действительно технология, через которую как раз детям промывают мозги, а дальше потом меняют пол. Но только, как вы понимаете, мы с вами знаем, чем это закончится. Это трагедия. Мы не хотели бы, чтобы это было у нас. Поэтому закон — это редкий случай — сегодня и инициирован практически всеми депутатами Государственной думы. Мы здесь все разные, разные партии представляем, принципы разные. Это сильная сторона парламента. Мы все поставили подписи под этим законом, и сегодня мы его будем принимать.

Но нам хотелось, чтобы ко второму чтению Министерство здравоохранения не выдумало никаких поправок, аргументируя это заботой о людях. Заботиться надо, если хотите, запретив весь этот блуд. А если уж при рождении и в детском возрасте ситуация сложилась так, что действительно необходимо операционное вмешательство, да, надо это делать. И такая норма в законе, который рассматривается в первом чтении, у нас уже существует. А все остальное — это желание найти лазейку, через которую потом дорога будет идти

понятно в каком направлении. Но нам туда не надо. Коллеги, голосуем?

Толстой *(тоже с финальной речью)*: Уважаемые коллеги, я хочу обратиться к Михаилу Альбертовичу. Мы очень хотим с вами вместе предпринимать дальнейшие шаги по решению демографических проблем и по решению проблем, связанных с авторитетом медицинского сообщества. Нам нужно проработать контроль над гормональными препаратами, которые используются для смены пола и для медикаментозных абортов в большом количестве сегодня. Этот контроль, на наш взгляд, должен быть со стороны государства и достаточно жестким. И нам нужно серьезно рассмотреть вопрос о запрете абортов в коммерческих клиниках, которые делаются с нарушением законодательства ради прибыли. Уважаемый Михаил Альбертович, мы все очень уважаем медицинское сообщество, медиков, каждого отдельного врача. Уважение основано на том, что эти люди занимаются служением обществу, а не зарабатыванием денег. Зарабатывание денег уважения не вызывает ни в медицине, ни в образовании. А вот служение обществу вызывает глубокое уважение.

Редактор: Дмитрий Трещанин

---

1. Международная классификация болезней.